

САТИРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ И.Ф. БОГДАНОВИЧА «ДУШЕНЬКА»

Моисеева Анна Александровна

канд. филол. наук,
Пермский государственный национальный
исследовательский
akunevich@mail.ru

THE SATIRICAL POTENTIAL OF MYTHOLOGICAL IMAGERY IN THE POEM "DUSHENKA" BY I.F. BOGDANOVICH

A. Moiseeva

Summary: The article puts forward a hypothesis regarding the original idea of the poem «Dushenka» by I.F. Bogdanovich (around 1775). An assumption, based on the analysis and historical facts, is made: the mythological basis of the poem might become the basis for satires on the reign of Catherine the Second. But subsequently it began to be perceived as a complimentary production.

Keywords: Russian literature of the XVIII century, poem «Dushenka» by I.F. Bogdanovich, mythological images, satire.

Аннотация: В статье выдвигается гипотеза относительно первоначального замысла поэмы И.Ф. Богдановича «Душенька» (ок. 1775 г.). На основании анализа текста и исторических данных делается предположение, что мифологическая основа поэмы должна была стать основой для сатирического по отношению к правлению Екатерины Второй, а не комплиментарного произведения, в качестве которого текст стал восприниматься впоследствии.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, поэма «Душенька» И.Ф. Богдановича, мифологические образы, сатира.

Комплиментарный характер знаменитой в XVIII веке поэмы И.Ф. Богдановича «Душенька» отмечали практически все исследователи этого произведения: «Взяв за основу мифологический сюжет, он изображает в своей поэме быт и нравы дворянского общества, завуалировано рассыпает комплименты императрице Екатерине II» [1]; «В тексте «Душеньки» можно найти указания на то, что работая над поэмой, Богданович вполне сознательно ориентировался на придворную публику. «Душенька» содержит целый ряд льстивых намеков на Екатерину и её правление; подобными намеками добивался благосклонности Людовика XIV в своём романе и Лафонтен» [2]; «Окружая Душеньку плотным художественным материалом, Богданович был уверен в адекватном прочтении своих аллегорий. Идентифицируя Душеньку с Екатериной посредством идентификации дворца и сада второй книги с Царским Селом, Богданович использовал традиционный комплиментарный прием. Душенька-Екатерина воспринимает цивилизаторский пафос «основателя», а блеск и красота основанного локуса служат прославлению императора и его империи» [3, с. 263].

Наличие в тексте указанной поэмы аллюзий на правление Екатерины, причем однозначно панегирического характера, не вызывает сомнений. Как правило, к их числу относят следующие:

1. упоминание маскарада «Торжествующая Минерва», устроенного в Москве 30 января – 2 февраля 1763 г во время коронации Екатерины II;
2. описание небесной обители Амура, в котором угадываются реалии Царского Села;

3. описание галереи живописных и скульптурных портретов Душеньки, в которых воспроизводились некоторые особенности реально существовавших портретов Екатерины Второй;
4. характеристика литературных и театральных вкусов Душеньки и её времяпровождения, соответствующих вкусам самой императрицы;
5. иронические выпады против оппозиционных по отношению к Екатерине сатирических изданий 1769 – 1774 гг.

Обращает на себя внимание тот факт, что почти все вышеперечисленные аллюзии не рассеяны по тексту поэмы, а сконцентрированы лишь в одном фрагменте, в самом начале второй книги. Исключением, подтверждающим правило, является краткое упоминание московского маскарада, которое открывает первую книгу и соотносится со справедливым царствованием отца Душеньки: «Клеветникам в удел / И доносителем неправды государю / Везде носить велел / Противнейшую харю, / Какая изъявлять клеветующих могла. / Такая видима была / Не в давнем времени, в Москве на маскараде, / Когда на масленой, в торжественном параде, / Народ осмеивал позорные дела» [4, с. 48]. Возможно, это было мотивировано тем, что для И.Ф. Богдановича данная отсылка не столько соотносилась с похвалой Екатерине (тем более, что в тексте фигурирует образ отца-царя, а не матушки-царицы), сколько носила отчасти автобиографический характер, поскольку известно, что в подготовке упомянутого маскарада поэт принимал личное участие вместе со своими друзьями, московскими литераторами М.М. Херасковым и А.А. Ржевским: «они инвентовали на

триумфальные ворота картины, эмблемы и надписи и были на смотре над живописцами при работе оных» [5, с. 8].

В принципе, не составляет особого труда определить границы собственно «екатерининского» фрагмента поэмы: от слов «Какая Душеньке явилась тьма чудес!» [4, с. 67], фиксирующих её прибытие в «блаженнейший мир», до строк «Уже три года так царевна провожала / И доле б так жила, когда б сей светлый рай / Желаниям её возмог соделать край...» [4, с. 84]. Данный фрагмент носит преимущественно описательный характер и в целом слабо соотносится с развитием сюжета, существенно ослабляя его динамику. Единственное значительное с сюжетной точки зрения событие поэмы, которое происходит в его рамках – встреча Душеньки с невидимым на тот момент божественным супругом, – тускнеет на фоне роскошных картин природы и быта и производит впечатление хоть и не случайного, но эпизодического и в сознании читателя помещается в один ряд со столь же изящно завуалированными эротическими микросценами (свидания молодоженов в парковом гроте, подглядывания зефиоров за купанием и переодеванием царевны и т.п.)

Эта слабая соотнесённость подчеркнута аллегорично по отношению к историческому образу Екатерины фрагмента с сюжетом поэмы в целом наводит на некоторые размышления. В частности, возникает вопрос о том, насколько в принципе приложим позднеантичный миф о любви Психеи и Амура к реальной жизни государыни Екатерины.

Общеизвестно, что поиск мифологических параллелей к жизни выдающихся исторических личностей широко практиковался в искусстве XVIII века, и зачастую они казались носителям культурной традиции весьма убедительными и чуть ли не очевидными. Стоит вспомнить хотя бы бывшее популярным сравнение той же Екатерины Второй с карфагенской царицей Дидоной, впервые реализованное придворным поэтом В.П. Петровым в достаточно самобытном переводе первой песни «Энеиды» Виргилия, по поводу которого В. Проскурина пишет следующее: «Исследователи уже связывали успех прославления Екатерины в «Енее» с идентификацией русской царицы с Дидоной: женщина-монарх, чужеземка, приведшая свой народ в Карфаген, утвердившая страну с помощью завоеваний и просвещения народа» [3, с. 48]. Добавим, что помимо вышеуказанных совпадений в мифологической и исторической биографии, так же, как и Дидона, Екатерина на момент первого издания поэмы В.П. Петрова (1770 год) была женщиной зрелой, вдовой, официально оплакивающей убитого мужа. Гораздо сложнее найти что-то общее в жизни Екатерины с вымышленным жизнеописанием наивной и юной красавицы Психеи, заимствованным И.Ф. Богдановичем у Апулея и Лафонтена. Первая редакция поэмы И.Ф. Богдано-

вича – «Душенькины похождения» – увидела свет в 1778 году, когда Екатерине, родившейся 21 апреля 1729 года по старому стилю, было сорок девять лет, её сыну Павлу – двадцать четыре года, а любимому внуку Александру – один год от роду. Кажется несколько странным, что для произведения, имеющего целью прославить немолодую уже императрицу, И.Ф. Богданович выбирает столь неподходящий сюжет о любви бога и неопытной земной девушки, расстающейся с невинностью в его объятиях.

Представляется убедительной следующая гипотеза, объясняющая это несоответствие: вероятно, поэт изначально вовсе и не планировал создавать свое произведение как комплиментарное по отношению к царствующей императрице. Не случайно описание жизни Душеньки в чертогах Амура (Екатерины в Царском Селе?) производит впечатление некой вставочной конструкции, во многом автономной, обладающей специфической внутренней целостностью и функционирующей по собственным законам, в чём-то отличным от тех, которым подчиняется все произведение в целом. Отождествление Душеньки с Екатериной в поэме, хотя и является преднамеренным жестом со стороны самого автора, при внимательном рассмотрении вступает в противоречие с внутренней логикой развития сюжета и характера главной героини.

Характер героини И.Ф. Богдановича разительно отличается от характера императрицы, каким запечатлел его биографическая и мемуарная литература, в том числе и её собственные знаменитые «Записки». Если говорить о литературном образе, то неоднократно отмечалась литературоведами подчеркнутая женственность Душеньки, проявляющаяся даже в её слабостях и недостатках. «Образ Психеи у Богдановича «приземлен» – это милая, кокетливая барышня, Душенька», – говорит о ней Г.П. Макогоненко [6, с. 30]. «Героиня Богдановича из плоти и крови, живая, кокетливая Душенька, которой свойственны женские капризы, щегольство. Автор изображает ее в тоне легкой, светлой иронии», – вторит предшествующей характеристике Л.Е. Татаринова [7, с. 240]. Помимо склонности к щегольству и кокетству, Душенька наделена такими слабостями, как боязливость («...Идет и медлит на пути, / И ускоряет вдруг ступени, / И собственной боится тени...» [4, с. 92], «Но как то ни было, бояся ли пролазов, / Бояся ли приказов...» [4, с. 108]), непослушание и чрезмерное любопытство («Напоследи, смотря и в стороны и в след / И до двора уже немного не дошед, / Венеры заповедь, и гнев, и страх презрела, / Открыла кровельку, в горшочек посмотрела» [4, с.: 121]), а также легковерие и болтливость («Советы скромности в сей час она забыла; Сестры ли в том виной, судьба ли то, иль рок, / Иль Душенькин то был порок, / Она, вздохнув, сестрам открыла, / Что только тень одну в супружестве любила; / Открыла, как и где приходит тень на срок, / И происшествия подробно рассказала...» [4, с. 87–88]) <курсив мой – М.А.>. Неоднократно автор дает

понять читателю, что его героиня отнюдь не отличается выдающимися интеллектуальными способностями: «... Оставив Душеньку за *дурость* и за грех...» (с. 95), «... Но Душенька дотоль в раю / Была супругою Амура, / И участь Душенька свою / Утратила потом, как *дура*...» (с. 97), «Потом заплакала, как *дура*...» (с. 107) <курсив мой – М.А.>. Она чувствительна и слезлива, неоднократно падает в обморок и грозитя наложить на себя руки, хотя все многочисленные попытки реализовать эту угрозу только лишь разоблачают её несостоятельность.

Как известно, подобное поведение отнюдь не было присуще государыне Екатерине, сознательно культивировавшей в себе качества, традиционно почитавшиеся мужскими (сильную волю, развитый интеллект, целеустремленность и т.п.) и отнюдь не случайно прозванную австрийским посланником де Линем «Catherine le Grand» - «Екатериной Великим» [8, с. 315]. Подтверждением действительности и осознанности выбора традиционно «мужской» модели самопрезентации императрицей может служить, в частности, следующее ее высказывание: «Я осмелюсь утверждать относительно себя, если только мне будет позволено употребить это выражение, что я была честным и благородным рыцарем, с умом несравненно более мужским, нежели женским...» [9, с. 270]. Сложно представить себе историческую личность менее подходящую в прототипы изнеженной и слабовольной героине И.Ф. Богдановича, которую от многочисленных бед защищают заботливые слуги-зефиры и неусыпный тайный надзор любящего супруга, но отнюдь не её собственные отвага и разум.

Однако при внимательном рассмотрении в произведении И.Ф. Богдановича все же обнаруживается героиня, в положении и характере которой можно найти гораздо больше черт сходства с императрицей периода, когда, очевидно, рождался замысел его написания: привыкшая к всеобщему поклонению стареющая красавица-царица, имеющая непослушного взрослого (даже уже женатого и готовящегося стать отцом) сына, который, по мере сил и возможностей, противится ее воле. Это никто иная, как Венера, с которой, кстати сказать, традиционно сравнивали царствующих женщин, в том числе и саму Екатерину Вторую. Хотя конкретно эту государыню значительно чаще отождествляли с богиней мудрости Минервой, но о привычности сравнения её также и с богиней красоты и любви может свидетельствовать хотя бы «Кипридин пояс», появляющийся у Фелицы-Екатерины в стихотворении В.В. Капниста «Ответ Рафаэла певцу Фелицы» [10]. Также травестийный образ «честной жены» Венеры является одним из сниженных «двойников» Екатерины в ирои-комической поэме В.И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх», на которую, по мнению ряда исследователей, во многом ориентировался И.Ф. Богданович, работая над созданием «Душеньки».

Исходя из прозрачности этих сюжетных параллелей, можно предположить, что, по-видимому, первичным замыслом И.Ф. Богдановича было создание отнюдь не комплиментарного, а напротив, сатирического по отношению к царствующей особе текста. Complimentary составляющая должна была адресоваться наследнику-Амуру и его молодой прекрасной супруге-Психее. Это предположение подтверждается некоторыми историческими фактами, в первую очередь, сведениями о достаточно длительной принадлежности поэта к «пропавловской» придворной партии. Известно, в частности, о его дружбе и тесном сотрудничестве с генерал-аншефом графом Петром Ивановичем Паниным, в штат которого он был определен 26 мая 1763 года в качестве переводчика при Военной коллегии. Ему И.Ф. Богданович, согласно собственной его автобиографии, «дедикивал» (посвятил) перевод военного сочинения «Малая война, описанная майором в службе короля Прусского» [5, с. 8–10]. У исследователей не вызывает сомнений тот факт, что старший из братьев Паниных всецело разделял политические планы и убеждения своего младшего брата, Никиты Ивановича, воспитателя наследника и самого деятельного и преданного его политического сторонника. Кстати сказать, именно в его ведомство, в Иностранную коллегию, будущий создатель «Душеньки» перешел на службу в апреле 1764 года, переехав из Москвы в Петербург вместе с Паниным-старшим (5, с. 9). 19 же апреля 1765 года И.Ф. Богданович поднес великому князю Павлу Петровичу посвященную ему дидактическую поэму «Сугубое блаженство», которую впоследствии, при переиздании в 1773 году он «существенно переработал <...>, сократив ее почти вдвое, и дал ей другое название: «Блаженство народов». По сути дела, поэма представляла собой политико-философский трактат в стихах» [1]. Этот интерес к политической тематике вкупе с обращенностью к наследнику престола кажется достаточно знаменательным.

Интересно отметить и наличие своего рода «обратной связи»: есть исторические свидетельства об особом отношении к И.Ф. Богдановичу со стороны самого Павла Петровича. В подробных «Записках» воспитателя и преподавателя математики юного цесаревича, Семена Андреевича Порошина, упоминаются следующие эпизоды: «Потом изволил пойти государь в учительную комнату. Там читал я ему Михайлы Васильевича Ломоносова оду на взятие Хотина и на оную над турками победу. Сия ода лучшая почти изо всех его лирических сочинений. Говорил я его высочеству, что это стихотворец века блаженной памяти бабки его высочества Елисаветы Петровны. «Дай Боже, – продолжал я, – чтобы в век вашего высочества такие ж были». Изволил отвечать мне: *может быть, Богданович таков будет*» (запись от 17 декабря 1764 года) [11, с. 30–31]; «Сели ужинать. Продолжали разговор наш об экономии. Потом разговорились о переводчике Иностранной коллегии г. Богдановиче, о котором

его высочество говорить изволил, *что он моя креатура и что он изволит его жаловать»* (запись от 21 декабря 1764 года) [11, с. 136] <в обоих случаях – курсив автора>.

Документально засвидетельствованная увлеченность Павла творчеством И.Ф. Богдановича и идеей своего будущего ему покровительства в значительной степени опровергает точку зрения А.Д. Ивинского, что «миф об оппозиционности Богдановича, о связях его с «панинской группой» <...> никакой фактической базы под собой не имеет» [12, с. 82] и, напротив, подтверждает мнение Г.А. Гуковского, впервые высказавшего предположение о изначальном протезировании И.Ф. Богдановича оппозиционной придворной партией. Откуда, как не от своих наставников, мог узнать десятилетний мальчик о стихах переехавшего в столицу скромного провинциала и с чьей, как не с их подачи, увидеть в нем будущего Ломоносова?

Если исходить из того, что сначала «Душенька» адресовалась не Екатерине, а ее сыну, то выбор мифологического сюжета об Амуре и Психее объясняется еще и тем, что в европейской придворной культуре, а под влиянием ее, и в российской, он традиционно актуализировался в связи со свадебными церемониями. К примеру, известно, что 25 августа 1745 года, в связи с празднованием свадьбы великого князя Петра Федоровича, будущего Петра III, и Екатерины Алексеевны, на придворном театре ставился балет «Купидон и Психея», а 4 октября 1773 года по случаю бракосочетания цесаревича Павла Петровича с Натальей Алексеевной (урожденной принцессой Вильгельминой Гесен-Дармштадтской) исполнялась опера на тот же самый сюжет «Психея и Купидон» [3, с. 255—256]. Известно, что за два года до публикации первой редакции «Душеньки», в 1776 году вдовствующий цесаревич Павел вступил во второй брак с Марией

Фёдоровной (урожденной Софией Доротеей Вюртембергской), и поэма об Амуре и Психее также могла задумываться И.Ф. Богдановичем как своеобразный аналог свадебного поздравления.

Изменение первоначального замысла, вероятнее всего, было продиктовано практическими соображениями, поскольку постепенно становилось очевидным, что Екатерина вовсе не собирается передавать власть сыну и, в целом, является более сильной политической фигурой. В 1782 году между И.Ф. Богдановичем в качестве редактора «Санктпетербургских ведомостей» и Академической конференцией начинаются трения, в результате которых ему приходится отказаться от редактуры [5], после чего в 1783 году выходит в свет окончательная редакция «Душеньки», предназначенная снискать расположение императрицы и, как известно, с блеском исполнявшая свое предназначение.

Предлагаемая в данной статье гипотеза, согласно которой поэма И.Ф. Богдановича «Душенька» является своеобразным литературным палимпсестом (обращенной к Екатерине комплиментарной поэмой, написанной поверх ей же адресованной сатиры), вне всяких сомнений, еще нуждается в доработке и уточнении. Однако даже в существующем виде она расширяет представления о потенциальной привлекательности для писателей последней трети XVIII века разработанной В.И. Майковым модели мифологической сатиры (сатирического переосмысления мифологических ассоциаций, традиционно для общеевропейского искусства XVII – XVIII вв. закрепляемых за образом исторической личности), а также о возможностях взаимодействия обыкновенно противопоставляемых друг другу двух сфер литературы: «высокой» и «низкой», панегирической и сатирической.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские писатели, XVIII век: Библиогр. слов. / С.А. Джанумов, В.И. Коровин, С.Н. Травников и др.; Сост. С.А. Джанумов. М.: Просвещение, 2002. С. 14
2. Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 475
3. Проскурина В.Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 263
4. Богданович И.Ф. Душенька // Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957. С. 48
5. Серман И. Ипполит Федорович Богданович // Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957. С. 8
6. Макогоненко Г.П. Русская поэзия XVIII века. // Русская поэзия XVIII века. М.: Художественная литература, 1972. С. 30
7. Татаринова Л.Е. Русская литература и журналистика XVIII века. Учебник. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001. С. 240
8. Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 315
9. Екатерина II. Записки. СПб: «Азбука-классика», 2010. С. 270
10. Русская поэзия XVII – XX веков. // Электронная библиотека: Шедевры мировой культуры на CD. М: ДиректМедиа Паблишинг, 2004. С. 17 506
11. Русский Гамлет / С.А. Порошин. А.Б. Куракин. Великий князь Павел Петрович. М.: Фонд Сергея Дубова, 2004. С. 30 – 31
12. Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II: Журнал «Собеседник любителей русского слова». М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 82

© Моисеева Анна Александровна (akunevich@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»